

Дикари напали на рассвете, в предутренних фиолетовых сумерках, когда верхний край багрового светила едва показался над краем ледяной равнины.

Впоследствии, размышляя над произошедшим, Роман был вынужден признать, что этим снежным троглодитам не откажешь ни в хитрости, ни в умении планировать подобные набеги. Видимо, они следили за путниками и знали, сколько их и сколько псов тянут нарты; более того, они не собирались связываться с самим Романом, и вся операция скорее напоминала воровство, чем грабеж.

Под утро забеспокоились собаки. Разведчик поднялся, прихватив топор, пешню и вышел из юрты; Аквия, проснувшись, начала торопливо одеваться. Снаружи было еще темно, но Роман разглядел с десяток теней, копошившихся рядом с упряжкой. Удивительно, но огромные мохнатые псы только жалобно выли, не пытаясь пустить в ход, ни мощные челюсти, ни лапы, вооруженные дюймовыми когтями. Человек был табу; за миллионы лет, прожитых рядом с ним, собаки полностью избавились от агрессивного инстинкта по отношению к своему хозяину и господину. Они могли схватиться с волками - даже с небольшой стаей катрабов; они постарались бы удрать от дайра или сатла, огромной змеи; но человек, свой или чужой, оставался под запретом. Он был Верховным Владыкой, от которого запрещалось бежать и которому надлежало повиноваться. И если бы даже человек пожелал убить своих псов, чтобы насытиться их мясом, они не оказали бы сопротивления и не сбежали; с жалобным воем, они покорно умерли бы под ударами топора.

Роман грозно рявкнул и устремился к нартам, вокруг которых сбились собаки, и к маячившим рядом смутным теням. Похитители отпрянули и бросились к полынье; они бежали к западу, проскользнув между темной, подернутой льдом водой и гладкими стенами торосив, уходивших вверх футов на пятьдесят. В фиолетовом полумраке разведчик разглядел невысокие коренастые фигурки, облаченные в парки из волчьих шкур, от которых тянуло острым звериным духом. Туземцы размахивали дубинками и дротиками - видимо, и то, и другое было изготовлено из костей; такое оружие не представляло опасности. Роман не сомневался, что аборигенам ледяного края неоткуда взять металл и дерево, ибо южане, сородичи Аквии, не торговали с каннибалами и не появлялись на равнинах Дарсолана; путешествие же самой Аквии было редким и странным исключением.

Он ринулся в погоню. Туземцы бежали быстро, катились как меховые шарики по белесо-фиолетовой поверхности, но соперничать в скорости с Романом не могли - ноги у него были в полтора раза длиннее и, благодаря жесткой короткой шерсти на ступнях, он не проваливался и снег. Нади отдать должное колдунье, подумал разведчик на бегу, она произвела существо, максимально приспособленное к жизни среди холода и льдов.

До плотной группы туземцев оставалось ярдов десять, когда они резко свернули за ближайший торос, и через мгновение оттуда вылетели две упряжки. Роман остановился, переводя дух. Преследовать собак было бесполезно, они бежали вдвое быстрее его. Он мог, пожалуй, прикончить одного из воров, метнув копьё, но железное орудие настолько превосходило по ценности жалкую жизнь дикаря, что Роман лишь покрепче прижал к мохнатому боку холодное древко. Он постоял минуты три в раздумье, потом неторопливо направился назад, к шатру. И в этот момент послышался крик.

Отчаянный, тоскливый и тонкий вопль смертельно перепуганной женщины!

Аквия! Крик подстегнул его, словно удар бича. Почти мгновенно он понял истинную подоплеку событий - то, что он считал нападением, являлось всего лишь отвлекающим маневром. Роман помчался к лагерю, уже не надеясь, что поспеет на помощь своей спутнице - слишком хорошо

все было рассчитано, слишком хитро спланировано. Чувствовалось, что грабители имеют большой опыт в подобных делах.

Конечно, он не успел.

На истоптанном снегу валялась опрокинутая на бок юрта; собаки, нарты с запасом пищи и Аквия исчезли. Насколько он мог судить по первому взгляду, больше ничего не было тронуту; либо похитители торопились, либо их интересовала только еда. И Аквия - в том же качестве.

Ошеломленный, он покачал головой, потом в ярости вонзил пешню в плотный снег. Идиот! Имбецил, как любит повторять Максимов, когда дело доходит до его помощников! Кажется, старик с полным правом может отнести к их числу и Романа Гилева...

Он должен выручить Аквию. Ради нее самой и ради собственной шкуры вернее, ради того, чтобы избавиться от нее. И гнев - плохой помощник. Медленно успокаиваясь, Роман стоял посреди разоренного лагеря - странная фигура, обросший шерстью гигант с железной пешней в чудовищной лапе. Капля огненной испанской крови вкупе с буйным ирландским нравом - материнское наследие! - еще туманили рассудок, но холодный английский прагматизм уже брал верх. Он посмотрел на солнце - четверть багрового диска поднялась над горизонтом, света хватало, и разведчик ясно видел накатанный след саней, тянувшийся в обход полыньи. Вероятно, в набеге участвовало с полсотни человек. Такое количество его не пугало.

Во всей той истории имелось еще кое-что, с чем он не мог смириться. Кучка жалких троглодитов перехитрила его, Романа Гилева, полковника контрразведки, лучшего из лучших! Суперагента секретной службы, прошедшего три преисподни - в Альбе, Кате и в Меоте! У него украли мясо, нарты, его собак и его женщину. Его женщину? Он поймал себя на том, что впервые думает так об Аквии, и раздраженно тряхнул головой. Нет, будь он проклят! Пусть он до конца жизни будет носить ту жуткую шкуру, если спустит такое с рук!

Собственно, других альтернатив не оставалось. Роман сунул ладонь под мышку и нащупал выпуклость спейсера. Он понимал, что если Аквия погибнет, если ее... гмм... съедят до того, как придет помощь, ему обеспечена почетная и пожизненная должность в лондонском зоопарке. Конечно, он может наудачу перепробовать все снадобья из ее мешков, но результат, весьма вероятно, будет плачевным. Что, если у него вырастет хвост? Или рога с копытами? Или помутится рассудок? Это пахло уже не зоопарком, а пожизненным заключением в психушке...

Он решил не рисковать.

Поставив юрту, Роман разжег огонь в печурке, благо в одном из мешков оставался еще ломоть жира. Отковырнув кусок, он сбегал к промоине, разложил наживку на берегу и со второй попытки прикончил крупного тюленя. Теперь у него было мясо, он быстро поджарил несколько толстых ломтей. Следовало поспешать - но поспешать медленно. И он действовал с основательной неторопливостью. Он не нуждался ни в одежде, ни в жилище, ни в транспорте; пища на два-три дня да оружие - вот все, что было нужно. Он имел теперь и то, и другое.

Свернув шатер, Роман припрятал его вместе с прочим имуществом мешками, печкой, меховым ложем и шкурами - под глубоким выступом тороса. Он завалил снегом вход в эту маленькую пещерку и нагромоздил рядом пирамиду из обломков льда. Этот указатель, плюс приметная полынья да четкий санный след гарантировали, что после спасательной операции они с Аквией смогут разыскать свое добро.

Затем Роман натянул панцирь, повесил на левое плечо топор, на правое сверток из шкуры катраба, в котором было килограмм двадцать тюленьего мяса, взял в руки копье и неспешно

потрусил на запад по следу нарт. Огромный багровый диск, уже полностью поднявшийся над горизонтом, светил ему в спину, играя на перламутровых пластинах доспеха.

Весь день он бежал неторопливой и упорной волчьей рысью, делая по десять километров в час и изредка останавливаясь, чтобы пожевать мяса. Видимо, снадобье Аквии, благодаря которому он обзавелся медвежьей шубой, стимулировало не только рост волосяного покрова; Роману казалось, что кожа его стала толще и грубее, и под ней начал откладываться слой жира. Несомненно, он был теперь более выносливым и сильным - настоящий полярный медведь с топором и тяжелым железным копьём вместо когтей и клыков.

Любопытно, на что рассчитывали эти дикари? Что он поплачет над разоренным лагерем и ляжет там умирать? Или пустится дальше в путь один? Потом Роман понял, в чем дело. Вряд ли их лазутчики как следует, разглядели его, и вряд ли они могли составить верное представление о его возможностях. Вероятно, они видели женщину и рослого мужчину в шубе, вот и все. А любой обычный человек, брошенный в ледяных равнинах Дарсолана без пищи и собак, был обречен на гибель. Оставалось только подождать пять-семь дней, пока рослый и сильный противник ослабеет от голода, чтобы вернуться и без хлопот подобрать еще двести фунтов человеческого мяса. Если к тому времени будет что подбирать!

Роман убедился в справедливости своих предположений, когда навстречу ему из-за ближайших торосов стремительно выскочила стая ледяных волков - две дюжины крупных зверей с пепельно-седой шерстью. В пяти ярдах от него волки затормозили и начали недоверчиво изучать намеченную жертву. Видно, они были, посмелей катрабов - или более голодны; во всяком случае, звери не пустились сразу наутек. Разведчик встал на четвереньки - в такой позиции он больше походил на страшного дайра - и заревел. Волчьи нервы не выдержали этого жуткого зрелища; вожак жалобно взвизгнул, словно нашкодивший щенок, и ринулся к спасительному нагромождению ледяных глыб. За ним в панике помчались остальные.

Довольно улыбаясь, разведчик поднялся и потрусил по следу, надеясь, что ему не доведется встретить настоящего снежного ящера. Он не сомневался, что одолеет чудище, но задержка не входила в его планы.

Однако вскоре улыбка Романа погасла. Он размеренно переставлял ноги, поглядывая то на бело-фиолетовую равнину слева, то на гряду торосов, что тянулась справа и уходила на запад. Ничто не нарушало безмолвия мрачной равнины и ледяных скал; монотонное ритмичное движение и тишина располагали к раздумьям. Он думал.

Думал о том, что в этом странствии ему не удастся совершить ничего героического; тут просто не с кем сражаться за власть - да и над кем или, чем он стал бы властвовать? Пожалуй, лишь дайры, кровожадные и безмозглые твари, которых не может зачаровать даже искусница Аквия, были ему равными противниками - конечно, в смысле силы, а не мозгов. И все его подвиги сведутся, скорее всего, к десятку пробитых черепов снежных ящеров плюс набег на стойбище жалких голодных дикарей-каннибалов... И женщины у него нет! Даже такой, как ненасытная и властолюбивая монгская принцесса Сада, сестра изувера Кхана... Она немало покуражилась над ним, однако не обрядила в жуткую шкуру монстра... да и в постели не отказывала ни в чем.

Да, Сада оказалась крепким орешком, но она была женщиной, его женщиной. Что уж говорить о юной страстной Тани, о нежной и хрупкой, как нефритовая статуэтка, Лали Мей, о мраморных богинях Меоты! О тех, кто действительно любил его... О Елене...

Он рассмеялся - невесело и хрипло. Что он там толковал генералу насчет лекарств? Что горькое стоит запить сладким. Но сам он запил горечь, что осталась в сердце после Меоты,

отвратительным ядовитым пойлом Дарсолана.

Это его странствие напоминало трагикомический фарс, и только в конце пути выяснится, чего же в нем намешано больше - трагического или смешного. Пожалуй, он не совсем верно оценил ситуацию - пройти сквозь ледяную пустыню, да еще в шкуре зверя, тоже подвиг. Если Аквия избавит его от этой растительности, все превратится в забавный эпизод; если же нет...

Аквия! Самая трудная загадка, которую он встретил в этом мире! Он не мог считать ее своей женщиной - даже в том смысле, в котором его была Сада. Да, они провели вместе ночь - но что она сотворила с ним после этого! Ведьма!

И все же, все же... Чего-то он еще не понимал. Что погнало ее в снега Берглиона, в ледяные равнины Дарсолана? Из смутных образов, навеянных ему в самый первый их вечер, он извлек, что Аквия - Аквилания! - принадлежала к роду Властителей южных краев, так что вряд ли ее собирались подвергнуть какой-то страшной каре за колдовство. Теперь он совсем отбросил эту гипотезу, понимая, что женщина, владеющая древними знаниями о травах и отварах - не говоря уже о прочих способностях и несомненной красоте - была на родине окружена почетом. Значит, предположение о бегстве отпадало, и странствие ее, вероятно, являлось добровольным.

Что же ей надо? Там, на юге, по ее словам были леса - пусть скудные и редкие: была трава - пусть серо-фиолетовая и чахлая; были животные, не похожие на монстров ледяных равнин... Наконец, там были родичи и друзья... возлюбленные... Как она сказала в их первую ночь? - "Много дней у меня не было мужчины"?

И это невольное монашество тяготило ее - ибо она отдавалась ему на ложе из мягких шкур с неподдельной страстью!

Ради чего же она пустилась в путь? Чтобы посмотреть на зеленые, желтые, красные цвета, что разливаются на волшебных гобеленах Берглиона, на краски прошлого, которых давно лишен этот мир?

Роман покачал головой. Что ж, он тоже полюбозыщет... взглянет на эти тканые полотна... Но какими бы прекрасными они не оказались, искупит ли их лицезрение долгий и тяжкий путь сквозь льды и снега?

Поступки Аквии представлялись ему нелогичными. Впрочем, он давно знал, что всякое нелогичное на самом деле подчиняется своей, высшей логике - не разума, но чувства. И женщина - любая настоящая женщина - была средоточием этой нелогичной логики. Не сразу и не вдруг Роман смог понять это своим мужским разумом; но к тридцати четырем годам он познал многих, очень многих женщин, среди которых была дюжина настоящих... Он кое-чему научился у них! Конечно, не у хищницы Сады Великолепной и не у старой развратницы Беты из Альбы; но даже своенравная малышка Тани сумела одарить его не только щедростью своей юной плоти.

Он бежал по снежной равнине - человек в пугающем зверином облике, покрывая милю за милей и не зная еще, что с сердцем, разумом и духом его происходит не менее удивительная метаморфоза, чем та, что несколько дней назад случилась с телом. Роман Гилев, агент секретной службы, мало - помалу уступал место другому человеку, более глубокому более сильно чувствующему, способному на бескорыстное самопожертвование и прощение. Он не был еще мудрецом и философом - истинная мудрость придет к нему позже, много позже; но мысли его и действия явно выходили за рамки должностных обязанностей агента разведки - пусть даже суперагента лучшей разведки на Земле. Он учился понимать другого человека,

пробираться к его душе не только с помощью кулака, клинка, пули и хитрости, владеть собственными страстями, дарить - и принимать даримое.

А так как при этом он сохранял прежнюю свою силу, ловкость, ум, жесткую настойчивость и гордость, то можно сказать, что здесь, в снежной пустыне Берглиона, Роман Гилев, агент, превращался в Романа Гилева, героя.

* * *

Ночью он отлично выспался в уютной норе, открытой в сугробе у подножия ледяной гряды. Утром съел четыре фунта мяса, вскарабкался, соскальзывая и чертыхаясь сквозь зубы, на верхушку конического тороса и разглядел в отдалении низко стлавшийся черный дымок. Теперь стоило торопиться изо всех сил, ибо завтраком в этот день могла послужить Аквия.

Роман съехал вниз и направился на запад, к дымкам и темной полынье, у которой, видимо, располагалось стойбище. Хотя он спешил, легкий путь по санным следам, что тянулись вдоль гряды торосов, был уже не для него, крадучись, он двигался среди нагромождения ледяных глыб, перебегая от куба к пирамиде, затем - к зеленоватой призме, цилиндру или конуса. Его мудрая предусмотрительность вскоре была вознаграждена - он вовремя заметил площадку, вырубленную в боку ледяной скалы - целого айсберга! на высоте пяти ярдов. Там сидел страж, и еще полудюжина его приятелей в мохнатых кухлянках и торбасах из волчьего меха расположилась внизу, на небольшой площадке, очищенной от снега. Они негромко болтали и смеялись - может быть, над тем самым недотепой, у которого позавчера так ловко похитили собак, нарты с мясом и женщину.

"Недотепа" осторожно положил на снег сверток из шкуры катраба, спустил с плеча топор и, прижимаясь к подножью скалы, медленно двинулся вперед. Его панцирь служил отличной маскировкой, так как преломлял и рассеивал солнечные лучи не хуже, чем толстый слой льда, лишь руки и ноги до колен, покрытые бурым волосом, могли выдать разведчика.

Но не выдали. Он подобрался к заставе шагов на десять, а потом, молча, с холодной яростью, ринулся вперед. Два человека упали, сраженные копьем и топором, остальные не успели поднять свое жалкое оружие, как Роман метнул топор, застрявший в черепе одного из туземцев, и, перехватив пешню обеими руками, прижал оставшуюся троицу к поверхности тороса. Люди не пытались защищаться, они просто оцепенели от ужаса при виде двуногого дайра со смертоносными железными клыками. Роман быстро покончил с ними, поднял голову и уставился тяжелым взглядом на последнего воина, в ужасе скорчившегося на своей наблюдательной площадке.

- Крикнешь - тебе конец, - произнес он, голос звучал глухо из-под черепа дайра, но достаточно внятно. - Конец всему твоему племени, женщинам, детям и собакам. Я сожру всех.

Он не знал, насколько весомы эти угрозы, но туземец, похоже, при всем желании не мог произнести, ни звука - у него перехватило от ужаса горло.

- Слезай, - велел Роман, многозначительно раскачивая в руке копьё. Ответишь на мои вопросы, останешься жив.

Дрожа, абориген соскользнул вниз. Он был невысок - едва по грудь разведчику - и, несмотря на плотно сбитое тело, весил вдвое меньше. Сняв прочный ремень с топорщица, Роман сделал петлю и накинул ее на шею пленника, отметив, что от того несет резким аммиачным запахом. Обмочился со страха... это хорошо. Чем сильнее будет бояться, тем больше расскажет.

Он намотал конец ремня на кулак, уютно устроился прямо на снегу и приступил к допросу.

- Догадываешься, кого вы ограбили?

- Да, Великий Дайр! - туземец повалился ему в ноги.

- Знаешь, что вас ждет?

- Да, Великий!

- Тааак... - он сгреб дикаря за ворот огромной полосатой пятерней, приподнял его голову и всмотрелся в побелевшие от ужаса глаза. - Ты понимаешь, что мне нельзя лгать?

- Д-да...

Роман удовлетворенно кивнул.

- Как зовется твое племя?

- Убийцы Волков...

- Это хорошо. Я тоже не люблю волков. Воруют у меня добычу, - сообщил Роман и угрожающе скрипнул зубами. Туземец затрясся. - Сколько воинов в племени?

- Шесть по десять... - дикарь метнул взгляд на мертвые тела и уточнил: - Нет... Теперь меньше...

- Кто вождь?

- Харат Мощная Шея.

- Мои собаки, мои нарты, мое мясо и моя женщина - целы?

- Собак и нарты не трогали, мясо - съели, женщина... - он замялся, и Роман, снова скрипнув зубами, дернул ремень.

- Ну?!

- От нее несет страхом, как холодом от ледяного поля... Никто не решается тронуть ее... хотя мясо нежное...

- Это тоже хорошо, - Роман успокоился. - Где ее держат?

- В хижине шамана... Плата Рваное Ухо... Связанной... Плат собирается сегодня очистить ее и... и...

- И?.. - разведчик положил тяжелую руку на горло туземца, придавив кадык.

- Будет пир...

- Ладно! Пир я вам обещаю, - он ухмыльнулся.

- Великий! Пощади! - туземец снова повалился ему в ноги.

Рывком, поставив его на ноги, Роман рывкнул:

- Где стойбище? Далеко? Где юрта вождя? Где живет шаман? - он приблизил клыки дайра, торчавшие перед его лицом, к шее дикаря. Тот судорожно сглотнул.

- Юрты близко... за тем утесом... - он вытянул руку. - У Харата большая палатка посередине... Плат... он ставит юрту на отшибе... за кругом... Увидишь сразу, Великий...

- Хорошо! Жизнь я тебе обещал, но и только. Разведчик завел пленнику руки за спину и крепко связал кисти, захлестнув конец ремня вокруг шеи. Другим концом обхватил лодыжки, притянув ступни к самым ягодицам. Бросив беспомощного стража на снег, он подобрал оружие, сверток с тюленьим мясом и, не таясь, обогнул огромную ледяную глыбу.

За ней, на расчищенной площадке неподалеку от курившейся паром проруби, темнело кольцо юрт; одна, покрупнее прочих, стояла в центре. С внешней стороны кольца, как раз на пути Романа, располагался небольшой шатер, украшенный волчьими черепами и хвостами - обитель шамана. Кое-где курились костры, разложенные на плоских камнях - видимо, их привозили с твердой суши; у огня хлопотали женщины в мохнатых куртках и штанах, вокруг них вертелись ребятишки и собаки. Рядом с торосами выстроилось две дюжины примитивных нарт, и разведчик сразу узнал среди них свои сани - они были гораздо длиннее и шире. Он покрутил головой, осматриваясь, но мужчин нигде не было видно. Отсыпаются в юртах, сожрав украденное мясо, решил Роман.

Долгих пять секунд он глядел на жалкое стойбище, представляя, как зальет его кровью, как изрубит и переколет всех, от Харата, вождя этой шайки, до последнего шелудивого пса. Он снимет головы половине воинов прежде, чем они очухаются и поймут, что происходит... а остальных, наверняка, хватит столбняк от страха... Он убьет их тоже, а потом примется за женщин, детей и собак...

ТЬфу! Роман с отвращением сплюнул, и картина кровавой бойни растаяла. Да, он может сделать это - но не сделает. Разве только в случае крайней необходимости...

Широким шагом он направился к шатру колдуна, прятавшемуся в тени айсберга. Отсюда до кольца юрт было ярдов пятьдесят; его никто не заметил, лишь пара-другая собак жалобно заскулила. Разведчик откинул полог, вошел и ударом кулака отправил в небытие Плата Рваное Ухо, который окуривал крепко связанную Аквию вонючим дымом.

- Роан! Ты пришел! - она закашлялась, но глаза ее сияли сквозь густые клубы словно два хризолита, источавших чистый зеленый свет.

- Куда я денусь! - буркнул Роман, осторожно перерезая ремни лезвием топора. Он выпрямился, поставив Аквию на ноги. - Двигаться можешь?

- Наверно... - тон ее был неуверенным. - Мы сейчас уйдем?

- Мы уедем... Тут наши собаки, сани и наши должники. Сейчас я с ними поговорю... потолкую! Шагай за мной.

Схватив тело шамана за ногу, он потащил его к юрте вождя: Аквия едва поспевала за ним. Теперь их заметили. На несколько секунд женщины застыли в недоумении, потом, сообразив, кто явился к ним в гости, начали с визгом разбегаться, хватая детей.

Роман бросил труп, выдрал из снега три костяных стояка, поддерживавших юрту Харата, и опрокинул ее набок. Вождь, разбуженный этим бесцеремонным вторжением, выпростал голову из-под меховой полости и сел, недоуменно моргая: шея у него действительно была толстая.

- Узнаешь меня, Харат? - разведчик оперся на копьё, сверля взглядом побледневшего как смерть туземца.

- В-ве-ликий Дайр! - вождь в ужасе открыл рот.

- Дайр, - подтвердил Роман, пошевелив ногой голову мертвого шамана. Плат был плохой колдун. Не предостерег вас от набега, и Убийцы Волков проявили ко мне непочтительность. С ним я уже рассчитался, охранников твоих съел... да, съел. Плохое мясо, жесткое... Ты - другое дело. Ты - вождь, толстый, жирный...

Харат, сидя в ворохе шкур, судорожно хватал ртом воздух. Мужчины начали выползать из шатров, но при виде жуткой гигантской фигуры в центре стойбища их брала оторопь. Те, кто посмелее, ринулись к торосам, прятаться; человек десять без сил опустились в снег. Роман был доволен - кажется, дело можно закончить без кровопролития.

Он скрипнул зубами и потянулся к вождю волосатой лапой. Харат, словно очнувшись, забился, как зверь в капкане, заверещал:

- В-великий, не надо... н-не...

- Мои собаки? - грозно спросил Роман.

- З-десь...

- Нарты?

- Ц-целы...

- Вели своим бездельникам запрягать.

Вождь провизжал приказ, сопроводив его парой ругательств, которые остались непонятны разведчику. Он подтолкнул Аквию туда, где дикари начали суетиться около саней, и велел:

- Присмотри, чтобы не перепутали собак. - Потом опять повернулся к Харату и продолжил перечень похищенного имущества: - Мое мясо?

- С-съели, Великий... Мы т-так голодны...

- Я бы этого не сказал, глядя на твой загрибок, - Роман поднял топор. Если не хочешь расстаться с головой, давай мясо - все, какое есть, - и лучшие шкуры. Все - на сани! Живо!

- В-великий... х-хочешь молодую женщину? Или двух? Самых мягких?

Роман изобразил глубокое раздумье.

- Пожалуй, нет, - произнес он, - перебил аппетит твоими стражами. Хочу мяса морских зверей... жира... теплые шкуры... вот эти, - он ткнул копьём в груды мехов, на которых почивал вождь.

- В-все будет, как ты сказал...

- Тогда вставай и пошевеливайся!

Харат вскочил, как резиновый мяч, и принялся распоряжаться. Минут через пять за спиной

Романа свистнул снег, и нарты, которыми правила Аквия, затормозили у перевернутой юрты. Вождь бросился к своей постели, потащил шкуры. Рыкнув на него пару раз для острастки, разведчик устроился в санях и поманил Харата к себе.

- Я милостив сегодня, - сообщил он туземцу, - но в следующий раз мой гнев будет страшен! Я иду к Берглиону, и не желаю никого видеть на своем пути. А потому ты, волчий потрох, пошлешь немедленно гонцов ко всем остальным ублюдкам на севере... что глодают кости у своих прорубей. Гонцы скажут так: Великий Дайр идет, бегите с его дороги! Понял?

Харат кивнул; глаза его были круглыми от ужаса.

- Вперед! - Роман шлепнул Аквию по спине, и сами рванулись на восток, навстречу медленно восходившему багровому диску.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/481746>